

DOI 10.22363/2312-8127-2019-11-2-172–178

Научная статья

Принцип транссубъективности в исторической методологии Лумана³

А.К. Аликберов

Институт востоковедения РАН

ул. Рождественка, 12, Москва, Россия, 107031

Статья посвящена принципу транссубъективности и ее отражению в исторической методологии Никласа Лумана. Транссубъективность, как и интерессубъективность, понимается в науке по-разному (Н. Лосский, А. Бергсон, И. Пригожин и др.). Раскрывая концепцию времени, Луман делит время на мировое (*aeternitas* «вечность») и системное (*tempus*), которое наполнено особым смыслом, отличающем одно системное время от другого. История реконструируется как раз в рамках временного измерения смысла. Это означает, что в своей исторической методологии Луман по сути отстаивал принцип транссубъективизма, хотя и отрицал онтологические позиции субъекта и объекта.

В рамках формирующегося системно-коммуникационного подхода, опирающегося на историческую методологию Лумана, принцип транссубъективности означает более предметное и максимально реалистичное (а значит, и более объективное) понимание принципа историзма, когда прошлое рассматривается через призму восприятия конкретного человека – одновременно и субъекта, и объекта истории. Если в цифровой истории такая онтологическая суперпозиция благодаря особенностям информационной среды и возможностей тотального самоописания общества (по Луману), благодаря цифровой фиксации многих социальных действий *Ego*, более чем допустима, то в не-цифровой, традиционной науке она может применяться в качестве концептуальной схемы, объяснительной модели.

Ключевые слова: методология истории, концепция времени, системное время, коммуникация, системно-коммуникационный подход, интерессубъективность, транссубъективность, Н. Лосский, Н. Луман

Для формирующегося системно-коммуникационного подхода к изучению истории важнейшее значение имеет концепция *времени Никласа Лумана, в которой анализируются такие категории, как момент времени, движение времени, прямая, «вдоль которого с определенной скоростью движется нечто, но не все»* [1. С. 206], поток, процесс, событийность. Эти категории описывают мир, общество и социальные коммуникации в их временном из-

© Аликберов А.К., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

мерении, которое *и есть история*. Как условие возможности социального действия время являлось ключевым измерением еще у Толкотта Парсонса, которого Луман считал своим учителем [2. С. 304]. Во «Введении в системную теорию» Луман посвятил понятию времени специальный раздел, рассматривая его как важнейшее понятие, связанное с наблюдателем и процессом наблюдения, действием и смыслом действия, коммуникацией и ожиданием [1. С. 203]. Концепция времени в исторической методологии Лумана связана с вопросом о субъективности восприятия времени, а также самой истории.

Многофакторный логический подход, который автор применяет к системному историческому познанию [3. С. 15–25], так же как и логика различения, которую Луман использует для дифференциации различных сущностей, дает более тонкий инструментарий системного анализа, разделяя субъективность на составляющие ее онтологические диспозиции: 1) интересубъективность, важную для изучения коммуникативного диалога, как двустороннего, так и многостороннего, 2) интрасубъективность, позволяющую проанализировать моменты прошлого, когда человек обращается к собственному внутреннему миру, *Alter Ego*, или образу Бога в своем сознании, и 3) транссубъективность, на котором мы остановимся подробнее, анализируя концепцию времени в исторической методологии Лумана.

Проблема транссубъективности относится к числу недостаточно изученных. Н. Лосский, который одним из первых ввел понятие «транссубъективность», сетовал, что «**проблема транссубъективности** внешнего опыта осталась совсем не решенною, а важные открытия по вопросу об объективности были искажены примесью искусственных построений» [4. С. 128]. Чтобы объяснить понятие транссубъективности, Лосский предлагал обратиться к переживаниям, совершенно лишенным пространственных форм, они «живо чувствуются, как нечто транссубъективное» [4. С. 141], но могут быть и более общие основания транссубъективности. Такой подход смешивает транссубъективность с интрасубъективностью: в первом случае переживание связано с восприятием человеком внешнего мира и его пониманием, а во втором – с внутренним миром *Ego*.

Религиозный опыт, как и любой опыт, основанный на познании действительной или иллюзорной реальности, вполне может быть и транссубъективным [5. С. 670], однако в научном познании опыт молитвы, обращенной к Богу, остается интрасубъективным, хотя верующий человек искренне убежден в его транссубъективности: для него Бог – абсолютно реальная Высшая истина, находящаяся за пределами человеческого сознания.

Для различения транссубъективности и интересубъективности М.В. Мазарский противопоставляет построения Пуанкаре и Левинаса, в которых исследователь видит интересубъективность, с транссубъективизмом в концепциях А. Бергсона и И. Пригожина [6. С. 61]. Сам исследователь объясняет транссубъективность как понимание человеком инстинктивно воспринимаемой непрерывности своего существования. Речь идет об ощущении времени – текущего и исторического, в сознании наблюдателя, «стреле времени», соединяющем «представляемое прошлое и переживаемое настоящее» [6. С. 57, 61].

В понимании Анри Бергсона транссубъективная картина мира предполагает восприятие реальности как взаимной сопричастности, всеобщего и всепроникающего взаимодействия [7. С. 61]. Илья Пригожин вводит понятие внутреннего времени системы, отличающегося от внешнего, астрономического времени. Отсюда обосновывается идея «мгновенно-точечной» локализации любого исторического события, поскольку каждой системе в каждой отдельной точке пространства соответствовало не общее, т.е. обезличенное, а свое особое мгновение, наполненное уникальным внутренним смыслом и реальным содержанием. В масштабе личности внутреннее время И. Пригожин называет «стрелой времени» собственной жизни [8. С. 7]. Поскольку в качестве системы выступает не только *Ego*, но и социальная группа, и общество, то исследователь пришел к выводу о существовании иерархии внутренних времен, соответствующей каждому уровню организации: «С одной стороны, мы <...> можем быть охарактеризованы одним внутренним временем. С другой стороны, как члены некой группы, мы принадлежим более высокому уровню внутреннего времени, в котором активно действуем. Весьма вероятно, что многие наши проблемы <...> обусловлены конфликтом между масштабами внутреннего времени в нас самих и масштабами внешнего времени в окружающем мире» [8. С. 216].

Луман вслед за Пригожиным описывает принцип транссубъективности, хотя и не говорит о нем напрямую, когда делит время на мировое и системное. В отличие от Пригожина, системное время рассматривается Луманом как некое целостное измерение смысла [1. С. 228]. История реконструируется как раз в рамках временного измерения смысла, в котором время обозначается как *tempus*, в противоположность времени как вечности (*aeternitas*) [9. С. 43]. В системном историческом познании время «мыслится как измеряемая дистанция, как датируемая линия, как темпорализированная комплексность, в которую можно внести много различного, если только оно размещается последовательно» [9. С. 160]. Однако история, в отличие от линейного, нелинейного, «осевого» или иного хода времени, необязательно подразумевает последовательность: «Под историей не может пониматься просто фактическая последовательность событий, с точки зрения которой настоящее понимается как действие прошедших причин или как причина будущих событий. Особенность смыслового конституирования истории заключается в том, что оно делает возможным свободный доступ к смыслу прошедших и будущих событий, т.е. прерывание последовательности. История возникает благодаря освобождению от последовательности» [10. S. 588]. Луман справедливо замечает, что история является «картой», а не «территорией», поэтому она – «всегда редукция полученной свободы доступа ко всему прошлому и всему будущему» [10. S. 588].

Хотя реальная эволюция и происходит в настоящем, динамика ее наблюдается лишь во временном измерении, т.е. истории. Луман в связи с этим объясняет, что «теория общественной эволюции не может быть теорией, каузально объясняющей протекание истории или даже хотя бы известных событий. Представление о времени должно лишь предуготовлять теоретическую схему для исторических исследований, которая при благоприятных обстоятельствах

может приводить к ограничению возможных каузально-релевантных причин» [11. С. 91]. Как говорит Луман, «все, что происходит, происходит (если наблюдать с позиций времени) одновременно», а «одновременные события не могут взаимно влиять друг на друга и взаимно друг друга контролировать; ведь причинность требует различия во времени между причинами и следствиями, т.е. перехода через временные границы одновременно-актуального» [12. С. 15].

Н. Луман рассматривает время вместе с пространством: у него время локализовано в конкретном акте, событии. В тот момент, когда наблюдатель пытается описать событие, он соотносит его с тем, что было до него, и представляет, что будет потом. В этот момент настоящего, который переживает наблюдатель, историческое событие и происходит. Определение настоящего индексирует системное, или внутреннее время на прошлое и будущее. Перцептивная протяженность настоящего, связанное с операционным модусом системы, также транссубъективна: в минуту крайней опасности время как будто останавливается, а в расслабленном состоянии оно течет гораздо быстрее. Луман объясняет это тем, что эта перцептивная протяженность настоящего момента «встроена в качестве переменной в задействованную идею времени» [1. С. 210].

Отдельно Луман рассматривает различия, с помощью которых наблюдатель тематизирует и воспринимает время. Транссубъективность восприятия системного, или «внутреннего», по Бергсону, времени хорошо иллюстрируется на сравнительных примерах. Например, для представителя традиционной общины доиндустриального типа время может измеряться днями, которые он делит на утреннее, обеденное и вечернее время (в традиционных исламских общинах – на пять частей, в соответствии со временем пятикратной молитвы). В реальности постиндустриальной городской жизни важны не только часы, но и минуты, вследствие того значения, которое общество им придает. Например, опоздавший даже на одну минуту рискует не успеть на свой поезд и пропустить знаменательное событие в масштабе своей персональной истории.

Поэтому, согласно Луману, категория времени, как и само время, относительна, а координаты относительности задает система. Простое различение мирового времени от системного приводит к тому, что мы можем различать мир (по Хабермасу – внешний мир) и систему (по Хабермасу – «жизненный мир»). Когда Луман проецирует системное время на мировое, то остается нерешенным вопрос, кто находится в центре системы, образуя ядро системных связей – конкретный человек, студент или организация? [1. С. 210]. В системно-коммуникационном подходе этот вопрос надежно решен – наблюдателем может быть только *Ego*, который одновременно является и субъектом, и объектом истории. Поэтому на первичном объективно-предметном уровне осмысления эмпирического материала истории, на котором системно-коммуникационный подход, требующий верификации теоретического знания, наиболее эффективен, он исключает лумановскую системную референцию для организаций, социальных групп, обществ, поскольку восприятие реальности, как и времени, не просто субъективно, а транссубъективно, т.е. происходит только в сознании конкретного человека.

Выводы:

1. Во многих исследованиях приводятся фактические примеры транс-субъективности, но без привязки к данной категории как таковой. Историческое мышление, историческое сознание и историческое время – конкретные примеры этого явления.

2. Хотя Луман и выступал против субъектности, утверждая, что «субъект – это химера», на самом деле в вопросе о противопоставлении мирового времени и системного времени, в котором отражается смысл настоящего момента, он опосредованно исповедует принцип транссубъективности. Здесь возникает явное противоречие между различными теоретическими положениями в исторической методологии Лумана, поскольку транссубъективность без субъекта невозможна. Чтобы преодолеть это противоречие, придется отказаться от классической схемы субъект-объектных отношений, рассматривая их в суперпозиции, когда в системном историческом познании субъект одновременно выступает в качестве объекта и наоборот.

3. Исходя из вышесказанного, мы можем заключить, что системная референция Лумана может быть в полной мере использована лишь на самом высоком философском (субъективно-предметном) уровне анализа, на котором общество действительно может выступать в качестве наблюдателя [1. С. 206], а для объективно-предметного анализа эмпирического материала истории и первичных теоретических обобщений на основе этого материала она слишком собирательна.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Луман Н.* Введение в системную теорию / Под ред. Дирка Беккера. Пер. с нем. К. Тимофеева. М.: Изд-во «Логос», 2007.
- [2] *Антоновский А.* Аналитика времени: к трансформации «староевропейской семантики» в самоописаниях социальных систем // Луман Никлас. Самоописания. Пер. с нем. / А. Антоновский, Б. Скуратов, К. Тимофеева. М.: Изд-во «Логос», ИТДГК «Гносис», 2009.
- [3] *Аликберов А.К.* Системная логика как инструмент системного подхода к истории // Вопросы философии. 2018. № 2. С. 15–25.
- [4] *Лосский Н.* Обоснование интуитивизма. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1906.
- [5] *Смелова Н.Е.* Транссубъективный характер опыта молитвы (С. Булгаков и И. Ильин) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 374. С. 64–67.
- [6] *Мазарский М.В.* Интерсубъективность и транссубъективность: Левинас, Пуанкаре, Бергсон, Пригожин // Философские науки. 2010. № 7. С. 50–64.
- [7] *Бергсон А.* Творческая эволюция / Пер. с фр. В. Флеровой. Вступ. ст. И. Блауберг. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2001.
- [8] *Пригожин И.* От существующего к возникающему. М.: Мир, 2002.
- [9] *Луман Н.* Самоописания. Пер. с нем. / А. Антоновский, Б. Скуратов, К. Тимофеева. М.: Из-во «Логос», ИТДГК «Гносис», 2009.
- [10] *Luhmann N.* Die Gesellschaft der Gesellschaft. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1997.
- [11] *Луман Н.* Эволюция. Пер. с нем. / А. Антоновский. М.: Из-во «Логос», 2005.
- [12] *Луман Н.* Дифференциация. Пер. с нем. / Б. Скуратов. М.: Из-во «Логос», 2006.

REFERENCES

- [1] Luhmann N. Vvedenie v sistemnyuyu teoriyu [Introduction to system theory] / Ed. by Dirk Becker. Transl. from German K. Timofeeva. M.: Logos Publ., 2007.
- [2] Antonovskiy A. Analitika vremeni: k transformacii «staroevropskoj semantiki» v samoopisaniyah social'nyh sistem [Time Analysis: Towards a Transformation of “Old European Semantics” in the Self-Descriptions of Social Systems] // Luhman N. Samoopisaniya [Self-description]. Transl. from German / A. Antonovsky, B. Skuratov, K. Timofeeva. M.: Logos Publ., ITDGK “Gnosis”, 2009.
- [3] Alikberov A.K. Sistemnaya logika kak instrument sistemnogo podhoda k istorii [System logic as a tool of a systematic approach to history]. In: Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]. 2018. No. 2. P. 15–25.
- [4] Losskiy N. Obosnovanie intuitivizma [Justification of intuitivism]. St. Petersburg: Type. M.M. Stasyulevich, 1906.
- [5] Smelova N.E. Transsub’ektivnyj harakter opyta molitvy (S. Bulgakov and I. Il’in) [Transsubjective nature of the experience of prayer (S. Bulgakov and I. Ilyin)] In: Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Bulletin]. 2013. № 374. P. 64–67.
- [6] Mazarsky M.V. Intersub’ektivnost’ i transsub’ektivnost’: Levinas, Puanckare, Bergson, Prigozhin [Intersubjectivity and trans-subjectivity: Levinas, Poincare, Bergson, Prigogine] In: Filosofskie nauki [Philosophical Sciences]. 2010. No. 7. S. 50–64.
- [7] Bergson A. Tvorcheskaya evolyuciya [Creative Evolution] / Transl. from French. V. Fleurova. Entry Art. I. Blauberg. M.: TERRA-Book Club; CANON-Press-C, 2001.
- [8] Prigogine I. Ot sushchestvuyushchego k voznikayushchemu [From the Existing to the Emerging]. M.: Mir, 2002.
- [9] Luhmann N. Samoopisaniya [Self-description]. Transl. from German. / A. Antonovsky, B. Skuratov, K. Timofeeva. M.: Logos Publ., ITDGK “Gnosis”, 2009.
- [10] Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1997.
- [11] Luhmann N. Evolyuciya [Evolution]. Transl. from German / A. Antonovsky. M.: Logos Publ., 2005.
- [12] Luhmann N. Differenciaciya [Differentiation]. Transl. from German / B. Skuratov. M.: Logos Publ., 2006.

Research article

Principle of trans-subjectivity in Luhmann’s historical methodology

Alikber Alikberov

Institute of Oriental Studies, RAS
12 Rozhdestvenka St., Moscow, 107031, Russia

This article examines the problem of trans-subjectivity in Niklas Luhmann’s historical methodology. Trans-subjectivity, like inter-subjectivity, is understood in the humanities in different ways (N. Lossky, A. Bergson, I. Prigogine and others). Luhmann’s exploration of time

leads him to divide it into “eternity” (*aeternitas*) and “system time” (*tempus*). Each manifestation of the latter is imbued with a special meaning that distinguishes one system time from another. History is reconstructed within the framework of the time dimension of meaning. These temporally measured meanings are the framework for reconstructing. This means that in historical methodology Luhmann essentially defended the principle of trans-subjectivism, although he denied the ontological positions of subject and object.

In the framework of a forming system-communication approach significantly based on Luhmann’s historical methodology, trans-subjectivity becomes a new, more substantive and maximally realistic (and therefore more objective) understanding of the principle of historicism, when the past is viewed through the prism of the perception of a particular person, regarded as both the subject and the object of history. If in digital history such an ontological superposition is especially applicable thanks to the new conditions of an informal environment that allows for an almost total self-description of society (according to Luhmann), and records the digital footprints of social actions of the *Ego*, in non-digital traditional historical science it can also be used as a fertile conceptual scheme, and explanatory model.

Keywords: history methodology, concept of time, system time, communication, system-communication approach, inter-subjectivity, trans-subjectivity, N. Lossky, N. Luhmann

Информация об авторе / Information about the author

Аликберов Аликбер Калабекович, кандидат исторических наук, заместитель директора Института востоковедения РАН. E-mail: alikberov@mail.ru

Alikber Alikberov, PhD in Historical Sciences, Deputy Director of the Institute of Oriental Studies, RAS. E-mail: alikberov@mail.ru

Для цитирования / For citation

Аликберов А.К. Принцип трансубъективности в исторической методологии Лумана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11. № 2. С. 172–178. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-2-172-178>

Alikberov A. Principle of trans-subjectivity in Luhmann’s historical methodology // *RUDN Journal of World History*. 2019. Vol. 11. No. 2. Pp. 172–178. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-2-172-178>

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 16.05.2019